

На той войне незначительной

«Переправа, переправа! Берег левый, берег правый, Снег шершавый, кромка льда, Кому память, кому слава, Кому темная вода...». Эти известные строки Александра Твардовского мы привыкли относить к Великой Отечественной войне. Но на самом деле они связаны с другой войной, случившейся чуть раньше - короткой, но очень тяжелой и кровопролитной, - советско-финляндской, или «зимней». Со времени ее начала завтра исполняется 80 лет. Наш собеседник, доктор исторических наук, занимается изучением этих событий уже не один десяток лет. Более того, он продолжает тем самым традиции своего отца, Николая Ивановича Барышникова, который в прежние времена был частым гостем и автором нашей газеты.

- Владимир Николаевич, в советское время «зимняя» война замалчивалась. В 1990-х годах ее оценивали как вероломное нападение сталинского режима на мирного соседа. Сегодня нечто среднее?

- Советские историки возникновения и ход войны 1939 - 1940 годов долгое время просто не исследовали. Это было вызвано двумя обстоятельствами. Прежде всего оказался слишком коротким отрезок времени, отделявший эту войну от Великой Отечественной. Она фактически заслонила 105-дневные боевые действия с Финляндией. Кроме того, в обстановке, когда в 1950 - 1980-е годы сложились дружественные советско-финляндские отношения, в Москве стремились вообще не ворошить негативные страницы прошлого.

В результате в издававшихся тогда работах допускались утверждения, что этой войны... вообще даже и не было. Что это был лишь «вооруженный конфликт», когда «финские отряды в ряде мест начали переходить границу, вклиниваясь на нашу территорию», и поэтому «войскам Ленинградского военного округа был отдан приказ дать решительный отпор финляндской военщине и отбросить противника от Ленинграда». В целом «зимнюю» войну стремились рассматривать как некий «военный конфликт» и ставили в один ряд со столкновениями, которые тогда произошли у СССР с Японией на озере Хасан и в районе реки Халхин-Гол.

Только в конце 1980-х годов в СССР наконец приступили к научному осмыслению происходивших тогда событий. Причем главный вопрос, как это ни покажется сейчас удивительным, звучал следующим образом: кто начал советско-финляндскую войну и почему собственно она произошла?

В результате уже с начала 1990-х годов в России появились оценки, диаметрально противоположные прежним. Они фактически иногда просто заимствовались из чисто пропагандистских штампов и определений финской историографии. Поэтому, действительно, появились представления о совершенно немотивированной «агрессии сталинского режима», о «вероломном нападении на мирную соседнюю страну» и тому подобное.

Естественно, что в научном отношении такая тенденция долго существовать не могла. Открывались новые, ранее секретные, советские документы, которые позволяли объективно рассмотреть события. Более того, уже в конце 1990-х годов была предпринята попытка выработать совместную концепцию, в которой сочетались бы как отечественные представления о «зимней» войне, так и финские. В результате на финском и русском языках появилась общая книга «Зимняя» война. 1939 - 1940. Политическая история». Безусловно, это был прорыв в научном осмыслении тех событий, в котором явно уже были достигнуты сбалансированные представления.

- Сегодня ход боевых действий «зимней» войны историками описан предельно обстоятельно. Можно ли и теперь считать ее «незнаменитой»?

- Напомню, само это понятие появилось с легкой руки поэта Александра Твардовского. Он, сам участник той войны, очевидно, вкладывал в него представление, что Красная армия, столкнувшись с серьезными трудностями, не выполнила поставленные вначале перед нею военные задачи, неся при этом очень значительные потери. Бои тогда действительно имели весьма тяжелый характер, на что в Москве явно не рассчитывали.

Скажу, что для Финляндии эта война отнюдь не была «незнаменита». Именно во время нее о Суоми услышал весь мир, хотя прежде о ее существовании мало кто знал...

Для советских же войск также несомненным результатом стало то, что Красная армия все же смогла прорвать укрепления на Карельском перешейке, уничтожить «линию Маннергейма». Причем это была по своей сути уникальная операция, поскольку прорыв такого характера укреплений лобовой атакой случается достаточно редко. Финские войска эти укрепления, естественно, сами сдавать не собирались.

Что же касается фразы Твардовского, то ее тональность больше относится к тому, что высшее советское военное руководство бросило в бой не готовые к военным действиям части и это действительно привело к ужасным для них последствиям, которые, однако, не заслоняют достигнутого результата и общего героизма, доблести рядовых солдат и командиров.

- Было ли военное столкновение между СССР и Финляндией неизбежным?

- На мой взгляд, эта война возникла исключительно вследствие начала Второй мировой. Советско-финляндские отношения 1920-х и 1930-х годов (а я этим занимался весьма обстоятельно) хотя и являлись весьма прохладными, но тем не менее не могли создать сколько-нибудь серьезные последствия, которые могли привести к началу военных действий.

Более того, «военная опасность» с советской стороны, которая, как утверждается, «неизменно» существовала в отношении Финляндии, являлась лишь сугубо теоретическим предположением.

Последние архивные изыскания четко указывают на то, что в действительности практически до самого начала Второй мировой Советский Союз

реально к активным наступательным боевым действиям против Финляндии вообще не готовился. Чтобы это было предельно понятно, отметим, что на финском направлении развертывание для ведения боевых действий главных сил Красной армии по оперативным планам 1932 - 1937 годов вообще не предполагалось. Само же возможное ведение войны с Финляндией в Москве рассматривалось лишь только в том случае, если та будет участвовать во враждебных СССР коалициях.

О том, что на переговорах в Москве, которые велись с финской делегацией осенью 1939 года, СССР хотел договориться, свидетельствуют многие обстоятельства. Советский Союз в военном отношении не был готов к этой войне, а сам ее план был принят всего за месяц до начала боевых действий - 29 октября 1939 года. В начале войны даже на стратегически главном направлении на Карельском перешейке не было достигнуто подавляющего превосходства в количестве войск: преимущество составляло всего 36 тыс. человек.

Наступление с территории Карелии и Заполярья вообще велось «с ходу» с не оборудованных для этого в военном отношении территорий. И, наконец, боевые действия начались в крайне не выгодный период года, когда наряду с морозами еще и самый короткий световой день, который на севере перерастал в полярную ночь, не позволявшую вести хорошо организованное наступление.

- Какие все-таки ставило задачи советское руководство: просто отодвинуть границу от Ленинграда или советизировать Финляндию?

- Конечно, спорить на предмет того, хотел Сталин видеть Финляндию в качестве «социалистического государства» или нет, бессмысленно. Конечно, хотел! Так же, как он хотел этого в отношении всего мира! Но надо иметь в виду несколько сценариев, от которых зависело то или иное решение, принимавшееся в Москве.

После того как СССР к середине 1930-х годов превратился в одну из ведущих мировых держав, руководство страны поставило задачу превратить Финляндию, ближайшего соседа на северо-западе с самой продолжительной для СССР границей в Европе, в потенциального военно-политического партнера или даже союзника. Эту задачу, которая обсуждалась с финнами на протяжении второй половины 1930-х годов, решить так и не удалось.

Но началась мировая война, и Москве оставалось лишь одно: решить проблему границы. Ведь она проходила, как известно, всего в 32 километрах от центра Ленинграда, что делало второй по величине и значимости город СССР крайне уязвимым.

Сталин на переговорах с финской делегацией в октябре-ноябре 1939 года прямо указал: «В географическом смысле мы не можем, так же, как и вы, ничего сделать... Поскольку Ленинград нельзя перенести, в силу этого, естественно, надо отодвинуть границу... Мы просим, чтобы граница была расположена в 70 км от Ленинграда... Мы просим 2700 квадратных километров и предлагаем взамен более 5500». Но и эту задачу на переговорах решить советскому руководству, даже путем обмена территориями, так и не удалось. Переговоры спустя месяц были сорваны, и финская делегация отбыла на родину...

Со срывом переговоров обратной дороги уже не было. Не позднее 16 ноября в Ленинград ушла оперативная директива наркома обороны. В ней говорилось: «закончить сосредоточение войск округа... и быть готовым... к решительному наступлению». Далее 21 ноября генштаб направил командованию округа «боевые приказы» о наступлении.

В Финляндии верили, что СССР блефует, что войны не будет. Окончательно все стало понятно 29 ноября, когда правительство СССР сделало официальное заявление об отзыве из Хельсинки своих дипломатических и хозяйственных представителей. В тот же день войскам Красной армии, сосредоточенным на границе с Финляндией, поступило сообщение, что ориентировочно сигнал о времени начала наступления поступит в ночь на 30 ноября.

Что же касается самой войны, то в Москве вначале делали ставку на максимальную задачу - разгромить финскую армию за две недели. Советский сценарий предусматривал создание дружественного «народного правительства», которое должно было заключить с СССР договор. Но советский военный план в декабре 1939 года разбился о стойкое сопротивление финской армии. Решить «программу-максимум» оказалось крайне сложным делом. Тогда вернулись к «программе-минимум», то есть снова встал вопрос о границах.

В итоге рубеж на Карельском перешейке решили отодвинуть уже не на несколько десятков километров, как предлагалось ранее, а значительно дальше - до Выборга, обозначив границу там, где в 1721 году ее провел Петр I, победив Швецию. Он тогда считал Выборг «подушкой» военной безопасности Петербурга, и в Москве, вероятно, полагали так же.

- Сегодня можно услышать такое мнение: если бы мы не отодвинули границу, то в июне 1941 года финские войска стояли бы под Белоостровом, и участь Ленинграда была решена. Другие возражают: не было бы «зимней» войны - неизвестно, стала ли бы Финляндия, в какой-то степени ориентировавшаяся на англо-французский блок, фактическим союзником нацистской Германии?

- В орбите внешней политики Англии и Франции Финляндия до «зимней» войны не находилась. В Хельсинки учитывали их политику, так же как и политику США, Швеции и других стран. Но с точки зрения финской политики безопасности именно Германия занимала особое положение.

В секретных приложениях к пакту Молотова - Риббентропа 1939 года нацисты уступили Финляндию в сферу советского влияния. Это, конечно, был удар огромной силы по финской внешней политике. Германия во время «зимней» войны финнам не помогала, то есть не действовала так, как весь мир. Но именно из Берлина в феврале 1940 года Финляндии настойчиво советовали заключить с Москвой мир «даже на тяжелых условиях», поскольку, как выразился Геринг, «потери можно будет вернуть в будущем»...

Так оно, собственно, и произошло: советско-финляндский мир, к глубокому разочарованию Лондона и Парижа, подписали. А далее уже в сентябре 1940 года, с началом разработки немецкого плана нападения на СССР, на финской территории появились немецкие войска, и Финляндия, единственная страна в мире, добровольно им открыла для этого границы.

В любом случае финская территория никак не могла для СССР, а тем более для Ленинграда стать «зоной безопасности». Если отбросить в отношении Финляндии советские инициативы, то что оставалось? Либо она добровольно предоставляла свои территории для использования их в качестве плацдарма вермахтом - как это и произошло. Либо она была бы просто оккупирована нацистской Германией, как это случилось с нейтральными Норвегией и Данией. В этом отношении у рейха был уже весьма богатый опыт...

Но в Берлине предпочитали, конечно, первый вариант, поскольку немецкие войска уже один раз приглашали в эту северную страну - в 1918 году, во время гражданской войны, чтобы одолеть красных. Причем в Хельсинки оказанной помощью остались весьма довольны.

- Темой «зимней» войны много занимался ваш отец, Николай Иванович Барышников...

- Он был исследователем, который весьма критически относился к различного характера источникам... Именно он оказался первым, кто в СССР в 1970-е годы четко сказал, что произошедшие в 1939 - 1940 годах события являлись не «вооруженным конфликтом», а настоящей войной. Он также «пробил дорогу» отечественным исследователям к финским архивным документам.

Помню, какой большой скандал случился в 1988 году, когда он на пресс-конференции в Хельсинки сообщил тамошним журналистам, что в Суоми российских историков не допускают к архивным документам, связанным с «зимней» войной. А это действительно было так! Но именно с этого времени нашим исследователям в финских архивах работать, вероятно, даже легче, чем с определенными документами российских ведомств.

Но Николай Иванович все же в большей степени занимался вопросами не «зимней» войны, а событий 1941 - 1944 годов. При этом главное, что определяло его как историка, было стремление делать выводы не на основе чувств, эмоций или каких-либо установок, а на базе проверенных фактов, основанных на архивных документальных источниках. Именно этими принципами и я стремлюсь руководствоваться.

- Остались ли до сих пор белые пятна в теме изучения «зимней» войны?

- Слабо до сих пор, как мне представляется, изучен вопрос, связанный с антивоенными проявлениями в финском обществе в период самой войны. Парадокс, но после ее окончания в Финляндии в мае 1940 года возникло Общество мира и дружбы с СССР. Оно ни в коей мере не поддерживалось руководством страны, но имело тысячи сторонников... Разгром этой организации произошел во второй половине 1940 года.

Интересным может стать и выяснение того, до какой степени для получения помощи от стран Запада Финляндия готова была жертвовать своим суверенитетом, особенно в начале войны... Одним словом, вопросы есть, и в основном они касаются именно политики Финляндии, что, конечно, требует более тесного сотрудничества с финскими историками. Однако такого взаимодействия, как это было, когда готовилось совместное издание по истории «зимней» войны, уже нет...

- Достаточно ли у нас сегодня внимания к этой теме?

- На мой взгляд, нет. После окончания «зимней» войны в Ленинграде была даже создана специальная выставка, посвященная ей. Но все как-то быстро забылось. Сейчас есть лишь экспозиция в Военном музее Карельского перешейка в Выборге. Но этого, как мне представляется, все-таки недостаточно.

Прошло уже 80 лет с момента начала той войны, но артефакты до сих пор еще находятся на земле Карельского перешейка. Конечно, интересным было бы создать, например, хорошую, большую экспозицию на местах наиболее ожесточенных боев, скажем, на одном из участков «линии Маннергейма».

Это будет память не только о советских солдатах, которые отдавали свои жизни суровой зимой 1939/40 годов, но и о финнах, которые ценой своей жизни эти укрепления защищали. Именно эти люди и стали главными героями той войны, поскольку с обеих сторон они сражались за свою родину.

- Как в Финляндии сочетаются темы «зимней» войны и гражданской войны 1918 года? Преодолен ли исторический раскол между белыми и красными?

- «Зимняя» война породила чувство единства финского народа в борьбе с нависшей над страной опасностью. Причем, конечно, это не следует понимать так, что в Суоми все неизменно проявляли исключительно агрессивные чувства к восточному соседу. Это хорошо становится понятно, когда в сентябре 1941 года солдаты стали отказываться выполнять приказ главнокомандующего Маннергейма о переходе старой государственной границы.

Что же касается исторического примирения... Сам факт того, что памятник Маннергейму в Тампере даже в XXI веке мажут краской, говорит лишь о том, что террор, который этот человек организовал в Финляндии в 1918 году против «красных финнов», до сих пор не забыт и присутствует в памяти уже совершенно иного поколения.